

сказал он, — преемственно соотносится с традицией, но характер этих соотношений достаточно многообразен: унаследование без качественных изменений; трансформация; гибридизация; отрицание и т. д.» (с. 4).

Б. Н. Путилов акцентировал внимание на двух моментах, от которых зависит успех исследования в области поэтики фольклора: «... во-первых, от того, насколько точно, в соответствии с реальным историко-типологическим процессом, будет найдена традиция, с которой соотносится изучаемый материал, и, во-вторых, как верно будут раскрыты связи между ними» (с. 4). Основой для понимания поэтики фольклора Б. Н. Путилов назвал исследование трех аспектов: проникновение в систему функционирования того или другого жанра, исследование туча их функциональных связей, выяснение многообразия типов связей. Актуальной методологической задачей исторической поэтики Б. Н. Путилов считает «объединение двух — различающихся в конкретном-методическом плане — современных исследовательских подходов: структурно-типологического и историко-типологического» (с. 9).

Доклад Б. Н. Путилова вызвал оживленную дискуссию. Выступавшие отметили положительные стороны доклада — насыщенность интересными мыслями, глубину основных положений (У. Б. Далгат, Э. В. Померанцева, А. И. Дей, А. Н. Мартынова, А. И. Балаздин, С. А. Каскабасов, А. Н. Розов и др.). Б. Кербелите подчеркнул, что солидаризируется с положением о необходимости структурного и исторического подходов. Ряд суждений Б. Н. Путилова вызвал возражения и замечания. В. П. Аникин упрекнул автора в том, что анализ поэтики оказался слитым с типологией, но типологический анализ не может заменить исторически конкретное изучение поэтики. Изучение должно строиться на конкретном исследовании фольклора, хотя историческая поэтика должна пользоваться типологическим методом. У. Б. Далгат отметила, что разграничение поэтики литературы и фольклора неубедительно. В перечне специфических особенностей фольклора уточнено не все. Э. В. Померанцева сказала, что не видит необходимости освобождения фольклористики от «иссушающего влияния литературоведческой поэтики». Следует использовать достижения как филологических наук, так и исторических, хотя необходимо выработать и свои, фольклористические методы.

А. А. Горелов продолжил мысли Э. В. Померанцевой о том, что «сколько бы мы ни говорили, что фольклористика — особая наука, мы не можем уйти от признания того, что фольклор, как искусство, подлежит и изучению литературоведческими средствами». Л. Саука также подчеркнул, что не следует пренебрегать литературоведением: польский ученый Ю. Кшижановский показал многие

точки соприкосновения фольклора и литературы, и это сделано убедительно. Я. Дарбиниеце отметила, что отделять поэтику фольклора от поэтики литературы «не нужно и даже невозможно», но то, что литературоведческая поэтика не позволяет полностью раскрыть сущность соотношений содержания и формы фольклорных произведений, также неопоримо. А. И. Дей акцентировал внимание на том, что искусство слова — не главное в фольклоре. Нужно расширять инструментарий исследований, привлекать данные и методы других наук, в том числе психологии, педагогики.

Были высказаны также и возражения по вопросу исторического развития жанров. У. Б. Далгат, А. А. Горелов отметили, что не все жанры перспективно развиваются: они рождаются и отмирают. А. И. Дей также заметил, что суждение Б. Н. Путилова о замкнутости жанра слишком категорично: можно видеть жанровую аморфность многих произведений.

Некоторые выступавшие отметили недоценку Б. Н. Путиловым устности как характерной особенности фольклора (А. И. Дей, Л. Саука, Ф. М. Селиванов). Были замечания и относительно категоричности положения о текучести текста. Так, Л. Саука высказал мысль о том, что классификация текстов показывает их большую устойчивость.

Была высказана также неудовлетворенность тем, что Б. Н. Путилов, увлекшись историко-типологическим методом, игнорирует генетический (У. Б. Далгат, И. М. Шептунов), забывает о взаимосвязях (Э. В. Померанцева).

Е. М. Мелетинский посвятил свой доклад проблеме «Миф и историческая поэтика фольклора». Докладчик считает, что «мифология составляет почву и арсенал ранних форм как религии, так и поэзии» (с. 1). «Природа мифа двуединна в том смысле, — подчеркнул он, — что мифология представляет собой одновременно определенный набор представлений о мире и совокупность повествований о конкретных фантастических персонажах, так называемых богах и героях» (с. 1). Перечислив ряд характерных особенностей мифологии, Е. М. Мелетинский подчеркнул, что главной формой ее бытования является словесный фольклор, хотя мифы могут иллюстрироваться рисунками или танцами. С другой стороны, он обратил внимание на то, что нет оснований сводить фольклор к мифологии. Далее Е. М. Мелетинский указал на то, что в теории А. Н. Веселовского делается акцент не на идеологическом, а на формальном синкретизме видов искусства и родов поэзии и что «проблема мифа при этом остается в тени» (с. 4). Накопленный этнографами материал вызывает необходимость серьезных корректив в теории первобытного синкретизма А. Н. Веселовского. Средоточием идеологического и сематического синкретизма является мифическое повествование, и миф (сопровождающий или не сопровождающий ритуал) «дает ключ